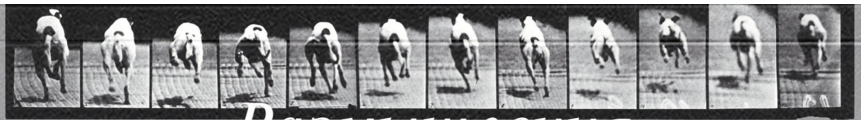

Размышления

Хосе Ортега-и-Гассет

о технике

Ad Marginem

Хосе Ортега-и-Гассет
Размышления о технике

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74647016
Размышления о технике. Сборник: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2026
ISBN 978-5-908105-20-0

Аннотация

«Размышления о технике» – цикл лекций, прочитанный Хосе Ортегой-и-Гассетом (1883–1955) в 1933 году и ставший одним из первых философских исследований техники в XX веке. Ортега показывает, что техника – не просто набор инструментов, а способ, которым человек преобразует природу, чтобы освободиться от необходимости и получить возможность быть собой. Прослеживая историю техники от случайных изобретений первобытного человека до инженерии Нового времени, философ задается вопросом, почему именно тогда, когда технические возможности кажутся безграничными, человек все хуже понимает, чего он, собственно, хочет.

Содержание

Алексей Руткевич 5
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Хосе Ортега-и-Гассет
Размышления о технике
Сборник

José Ortega y Gasset
Meditación de la técnica

* * *

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Алексей Руткевич
Воображение и техника

Хосе Ортега-и-Гассет является единственным всемирно известным испанским философом. Философствующие медики эпохи Возрождения, представители так называемой второй схоластики, известны специалистам, но не интересуют широкую публику, равно как статьи и монографии нынешних профессоров, которые пишутся исключительно для коллег из научного сообщества. Оно в Испании довольно большое, поскольку включает в себя не только университетских преподавателей, но и учителей последних классов средней школы (Bachillerato), в которых на протяжении всех трех лет изучаются философские дисциплины – обязательные экзамены по окончании включают в себя историю философии [1]. Иначе говоря, все получившие полное среднее образование испанцы знакомы с философией значительно лучше подавляющего большинства выпускников наших вузов, имеется широкая публика читателей газетных статей и блогов, в которых задеваются – пусть в самой популярной форме – философские темы. Подобная ситуация наблюдается и в других европейских странах, в которых философии учат в лицее

[1] Аналог нашего ЕГЭ. К обязательным относятся экзамены по испанскому языку, математике и по выбору: история Испании или история философии.

или в гимназии выпускники философских факультетов. На уровне академического сообщества специалисты (эксперты) пишут на своем языке «посвященных», читавших Витгенштейна, Хайдеггера или Адорно, а массовый читатель и слушатель получает яркие популяризации, модные «однодневки» и публичные дискуссии по самым разным поводам.

Сто лет назад ситуация в Испании, унаследованная от двух с половиной столетий упадка образования и культуры, была совершенно иной. В школах и в университетах философии почти не учили, а там, где это всё же делали, преподавали, как и в XVII веке, доминиканцы и иезуиты, обучавшие воззрениям Фомы Аквинского, то есть XIII столетия. Не было даже приличных научных библиотек. Образованная публика имелась, велись политические дебаты, но философия в публичном пространстве отсутствовала. Особое место Ортега-и-Гассета в испанской философии (или даже шире – в испанской культуре) связано с его полувековой деятельностью, создавшей сегодняшнюю духовную реальность. Книги Ортеги продолжают читать независимо от того, включены они в школьную программу или нет, – помимо литературных достоинств, они наделены ясностью и доходчивостью.

У Ортеги имелись непосредственные предшественники, писатели и публицисты так называемого поколения 98 года. Поражение Испании в войне с США, утрата последних крупных колоний выявили всю глубину упадка не только государства, но и всего испанского общества. Ортега в немалой ме-

ре разделял воззрения тех, кто указывал на необходимость скорейших реформ. К философам из этого поколения относят обычно Мигеля де Унамуно, но тот был прежде всего автором романов, поэм, пьес. Мы не записываем Толстого и Достоевского в философы (хотя философские умозрения им были не чужды), равно как прозаика Томаса Манна или поэта Рильке. И дело не в полученном образовании. Пожалуй, самый одаренный поэт поколения 98 года, Антонио Мачадо, даже проучился в зрелом возрасте на философском факультете в Мадриде, а затем написал яркую книгу, передающую его опыт постижения философии (от имени вымышленного персонажа, профессора Хуана де Майрены), но для испанцев он прежде всего замечательный поэт, затем республиканец времен гражданской войны, но не философ.

Отличие проистекает не из литературного жанра: начиная с Платона и до Юма философы писали диалоги, Лукреций изложил атомизм в великолепной поэме, Августин философствовал в «Исповеди», Паскаль и Ницше писали афоризмы[2]. Важно лишь следующее: является ли определяющим в творениях постановка и решение философских проблем. Склонность сегодняшних философов ограничиваться монографиями (приземленная форма трактата), а еще чаще статьями в журналах, связана с местом факультетов и кафедр в

[2] Об истории философии в связи с литературными жанрами хорошую статью написал верный ученик Ортеги и интерпретатор его творчества Хулиан Мариас. См.: *Marias J.* Los generos literarios en filosofia // J. Marias. Ensayos de teoria. Madrid: Revista de Occidente, 1966.

сегодняшних университетах, с притязанием на то, что философия представляет собой science. Реальность не делится по факультетам, а потому имеется немалое число пересечений философских поисков с научными исследованиями, да и в рамках самой философии существуют специальности, родственные конкретным наукам. Историка философии не всегда можно отличить от того, кто занят интеллектуальной историей, аналитическая философия сознания включена в ряд когнитивных наук и так далее.

Тем не менее мы можем четко обособлять опытные науки и свойственное философам умозрение, созерцание[3]. Хотя первое написанное прозой древнегреческое сочинение принадлежит Анаксимандру, которого можно считать и предшественником ученых-эмпириков (составил первую географическую карту), он был и тем философом, который четко поставил вопрос о первоначале. Философов на протяжении последующих двух с половиной тысячелетий интересовали прежде всего подобные вопросы: о первых началах бытия и познания, каковые – по случайному поводу – стали именоваться «метафизическими». Все наделенные разумом люди время от времени задают подобные вопросы: о смыс-

[3] Ортега был многим обязан феноменологии – Гуссерлю, Шелеру, Хайдеггеру. Предтеча феноменологической школы Франц Брентано в одном из писем заметил, что человек, не практикующий созерцание, вряд ли вообще по-настоящему живет, «а философ, который не культивирует и не практикует созерцания, просто-напросто не заслуживает этого имени: он является не философом, но ученым ремесленником и самым отъявленным филистером среди филистеров».

ле, красоте, добродетели и тому подобном, вплоть до вопроса о том, какое общество следует считать «хорошим»; мы являемся малой частью космоса и соотносимся с ним как с целым, желаем знать, как наша личная судьба с этим целым увязана. Но в большинстве своем люди удовлетворяются готовыми ответами господствующей религии, идеологии, мнениями окружающих, школьных учебников, модных блогеров и «британских ученых», а те, кто не довольствуются ими, нередко пополняют ряды каких-нибудь сект, «тайных обществ» и революционных кружков, любителей конспирологии и им подобных «альтернативных» образований со своими пророками и экспертами. Одни догмы они желают заместить другими. Философия учит задавать обоснованные вопросы, искать на них рациональные, аргументированные ответы – она критична, но она и конструктивна, как в том случае, когда она подкрепляет имеющиеся религиозные верования или приходит к полному скептицизму.

Если работу современных наук можно сравнить с фабричным производством, в котором всё большую роль играет разделение труда, то философы остаются ремесленниками, которых формально относят к одному цеху, но каждый работает индивидуально. К выдающимся философам относят тех, кто от уровня более или менее мастеровитого ремесленника поднимается на ступень выше и оценивается как художник – творец новых смыслов. Макс Шелер в своих работах по социологии знания четко провел различение кон-

кретных наук и метафизики как форм знания, за которым скрываются и две разные социальные группы. Философы учитывают состояние знания своей эпохи, позитивные данные опытных наук, высказывают гипотезы об их основаниях, но «целостность мира как таковая теоретически доступна только целостности одной личности», а потому носителями такого знания являются так называемые школы метафизической мудрости, «группирующиеся вокруг одной личности». Если опытные науки интернациональны, основаны на разделении труда, то метафизика «существенно обусловлена культурным кругом, и даже в значительной степени национальным гением»[4]. Немецкая философия отличается от британской, русская – от французской. Известны имена философов, оказавших значительное воздействие на формирование национальной философской традиции, скажем, Бэкон и Локк в Англии, Декарт во Франции. Ортега-и-Гассет во многом определил облик испанской, а в немалой степени и латиноамериканской мысли.

Оценивать те черты личности мыслителя, которые привнесли нечто в его доктрину, всегда сложно, и лишь владеющие своего рода «отмычкой от всех дверей» – вроде фрейдистов и марксистов – смело выводят идеи и творения из детских комплексов или классовой принадлежности. Младший брат Ортеги вспоминал, что в детстве и юности будущий фи-

[4] *Шелер М.* Проблемы социологии знания / пер. А. Н. Малинкина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. С. 88.

лософ часто рисовал летящую к цели стрелу, что отображало и его самосознание. На лекции 1947 года в Сан-Себастьяне он сделал два важных биографических замечания. Одно касается отношения к миру с его проблемами: «Я – мадридец, а ничто так не выражает дух Мадрида, как фигура мальчишки, который во время корриды из первых рядов следит за молодыми бычками и затем сломя голову вырывается на арену и, сорвав с себя рубашку, начинает дразнить ею животное. Во мне всё время живет этот мальчишка, и я не могу видеть острые рога проблемы, чтобы не поддаться безрассудному порыву и не броситься ей навстречу»[5]. Другое замечание дает нам представление о том, как он понимал цели лекций, докладов, выступлений перед широкой публикой. Эти цели противоположны практике митингов, где слушатели лишаются индивидуальности, преобразуются в массу, утрачивающую критическое мышление и подчиненную демагогу. «Говорить на самом деле означает совсем иное, а именно добиваться, чтобы та масса, в которую слилась аудитория, постепенно распадалась и каждый слушатель почувствовал себя одиноким, даже более одиноким, чем когда он остается один в своем доме; добиваться, чтобы каждый погружался в это первобытное одиночество всё глубже и глубже, ибо оно одно является подлинной, не принадлежащей никому другому жизнью личности, ибо лишь в его напряженной и пло-

[5] *Ортега-и-Гассет Х.* Веласкес. Гойя / пер. и вступ. ст. И. В. Ершовой, М. Б. Смирновой. М.: Республика, 1997. С. 114.

дотворной тишине мы оказываемся без посредников, лицом к лицу с проблемами нашего и только нашего бытия, обретя возможность взглянуть в глаза всегда немного пугающей правде»[6]. Истоком всякого критического мышления и самостоятельного действия является способность отрешиться от внешней игры сил и мотивов, погружение в себя, самоуглубление (ensimismamiento). Философия является прежде всего орудием такого обращения вовнутрь, к тому, что он назвал «радикальной реальностью нашей жизни».

На протяжении трех десятилетий, начиная с возвращения из Германии, где он был на стажировке в 1906–1907 годах, и до начала гражданской войны в июле 1936 года, Ортега неустанно трудился как преподаватель и популяризатор философии. Ему многое удалось сделать. Прежде всего, создать в Мадридском университете к середине 1920-х годов один из лучших европейских центров преподавания философии; через десятилетие его ученики (Хоакин Ксирау, Хосе Феррater Мора и др.) перенесут этот опыт в Барселонский университет. Впоследствии учеников и последователей Ортеги иногда станут объединять в «Мадридскую школу». После гражданской войны многие из них эмигрировали в Латинскую Америку и сыграли значительную роль в становлении философского образования в ряде стран[7]. Популяризация фи-

[6] Там же. С. 112.

[7] Отмечу деятельность лишь одного из них, Хосе Гаоса. Он был не только переводчиком на испанский ряда важнейших трудов, но также незаурядным педа-

лософии способствовала написанию ряда важнейших работ Ортеги: «Восстание масс» публиковалось как ряд статей в газете *El Sol* в 1929 году, книга «Что такое философия?» представляет собой стенограмму его лекций, прочитанных из-за огромного числа желающих прослушать этот курс в здании оперного театра.

К педагогической деятельности примыкала издательская. Ортега организовал сначала журнал *Revista de Occidente,* а затем и одноименное издательство, в которых публиковались переводы философских и научных статей и книг, рецензии на новинки, обзоры и тому подобное. Испанскую публику тем самым знакомили с интеллектуальными достижениями Европы и Америки, с дискуссиями и проблемами как естественных, так и гуманитарных наук. Наконец, сам Ортега непрестанно писал статьи, рецензии и книги по самым разнообразным предметам. Помимо собственно философских тем он затрагивал поэзию и живопись[8], спорт и охоту, ис-

---

гогом. На протяжении десятилетий мексиканская философия развивалась под влиянием его «перспективизма», то есть идей Ортеги 1920-х годов. Насколько мне известно, на русский язык переводили работы лишь одного из учеников Гаоса, Леопольда Сеа. Это влияние прослеживается даже в латиноамериканской «теологии освобождения» – последователем ортегианской доктрины «исторического разума» можно считать ведущего представителя этой теологии, иезуита И. Эльякуриа.

[8] Обычно вспоминают его небольшую книжку «О дегуманизации искусства», записывая при этом самого Ортегу в сторонники авангардизма. В действительности он таковым не был, а постоянным предметом его внимания (и восхищения) оставалась живопись Веласкеса и Гойи.

торию Древнего Рима и теорию относительности, писал о миссии университета и о психоанализе[9]. К историко-философским его статьям примыкают работы по истории науки, а под конец жизни он начал писать большой труд по социологии «Человек и люди». Из 11 томов его собрания сочинений два тома занимают публикации на темы политики. Часто он лишь единожды задевал какую-то проблему, давал яркое описание и наброски решения, но в дальнейшем к ней не возвращался.

Это относится и к технике. Ортега внимательно следил прежде всего за немецкой мыслью, а в 1920–1930-е годы в Германии выходят книги по философии техники и по философской антропологии. Ортега прочитал студентам небольшой курс лекций, который затем будет опубликован в ряде номеров аргентинской газеты *La Nacion*. Академическое издание «Размышления о технике»[10] последует в 1939 году –

[9] Еще в 1911 году, когда психоаналитическое движение только формировалось, Ортега опубликовал в целом благожелательную статью, которая, однако, не случайно была озаглавлена «Психоанализ, проблематичная наука». Ортега был вовсе не против того, что «наукой» называют дисциплины, уступающие в точности физике. Но психоанализ выступает с непомерными притязаниями метафизического толка, хотя держится наивного материализма XIX столетия: он пользуется механистическими моделями за пределами физики, объясняет все психические явления биологическими причинами. К этому Ортега добавляет еще одно немаловажное замечание: психоаналитическое движение формируется как секта, вокруг Фрейда собираются не просто ученики, но фанатичные единоверцы. См.: *Ortega y Gasset J.* Psicoanalisis, ciencia problematica // J. Ortega y Gasset. Ideas y creencias y otros ensayos de filosofia. 8–a ed. Madrid: Revista de Occidente, 1959.

[10] В испанском оригинале употреблено единственное число «La meditacion de

оно было включено в небольшой том произведений Ортеги, написанных накануне гражданской войны или с ее началом. При чтении возникает ощущение неоконченности, обрыва в разработке темы. Но объясняется всё просто: курс лекций завершен, Ортега переходит к другим предметам, более его интересующим. Доклад о технике – «Миф о человеке за техникой»[11] – 1951 года тоже был делом случая: прочитан на съезде немецких архитекторов и строителей, за недостатком времени и сил даже не доработан и представляет собой импровизацию. На него пригласили двух философов, Хайдеггера и Ортегу, который в это время был в ФРГ (он кратко ссылается в докладе на свою усталость от лекций в Мюнхене). Хотя в некоторых других сочинениях Ортега кратко обращается к теме техники (например, в «Восстании масс»), никак нельзя сказать, что он принадлежит к той группе мыслителей, которые в первую очередь были заняты именно философией техники.

Ортега и не притязал на то, что он создает какую-то оригинальную теорию; он явно опирается на труды немецких философов и инженеров. Важно, как «Размышления о технике» и доклад о технике вписываются в его философию в целом, какие смысловые оттенки приобретают хорошо известные факты и гипотезы. Проблема, скорее, в том, что сами воззрения Ортеги не без труда укладываются в стройную си-

---

la tecnica». Перевод – см. наст. изд.

[11] Перевод – см. наст. изд.

стему – они разбросаны по множеству небольших работ, лекций и выступлений по тому или иному поводу. Такое многообразие говорит о широте интересов, работоспособности, неиссякаемой энергии, но сам Ортега к концу 1920-х годов раз за разом повторял, что ему пора начать «второе плавание», сосредоточив все силы на разработке собственной системы. Философы совсем не обязательно являются доктринерами, плетущими всеохватывающую сеть категорий, но даже у самых недогматичных авторов присутствует некая система, совокупность определяющих всё остальное интуиций, выраженных в рационально увязанных тезисах.

Это относится и к Ортеге – его высказывания по самым разным темам всякий раз соотносятся с тем ядром, которое можно назвать системой или доктриной. Правда, эти базовые воззрения также претерпели эволюцию. Историки философии обычно говорят о постепенном переходе от неокантианства к философии жизни, а затем к экзистенциализму. Вместе с Унамуно он включается в раздел «испанский экзистенциализм», подобно тому как в Германии к экзистенциализму относят Ясперса и Хайдеггера, во Франции – Сартра, Камю и Марселя, в России – Бердяева и Шестова. Только следует иметь в виду условность подобных классификаций, поскольку они ничего не говорят об особенностях учений всякого из этих незаурядных мыслителей. Да и с самим наименованием не всё так просто. Название «экзистенциализм» к

своим сочинениям применял только Сартр[12], тогда как прочие причисляемые к этому подклассу философы с помещением в него не соглашались. Это относится и к Ортеге, который к тому же вообще крайне редко пользовался термином «экзистенция» в том смысле, в каком его ввел в философию Кьеркегор.

Для историка философии значимы сходства учения Ортеги об «историческом разуме» с воззрениями неогегельянцев Бенедетто Кроче и Робина Джорджа Коллингвуда, его учения об идеях и верованиях с прагматизмом Чарльза Пирса, а наброски по герменевтике пересекаются с работами Рудольфа Бультмана и Ханса-Георга Гадамера. Подобные параллели не случайны, поскольку эти философы принадлежали одной эпохе. Свою систему Ортега создавал сам, опираясь на феноменологию Гуссерля, философию жизни и Historismus (Зиммель, Дильтей), каковые были истоками и учения Хай-

[12] Часто можно встретить мнение, что слово это было Сартром и придумано, хотя он перенял его у Марселя, который в 1943 году в рецензии применил его к сочинениям Сартра. Однако Марсель тоже не был первым. В качестве примера могу привести уже упомянутую книгу Антонио Мачадо, в которой философия Хайдеггера называется «решительным экзистенциализмом» (*Machado A.* Prosas. La Habana: Editorial Arte y literatura, 1975. P. 278). Более широкий термин «экзистенциальная философия» обычно приписывается немецкому исследователю Фрицу Хайнеману (его работа 1929 года «Новые пути философии»), но употреблять слова «экзистенция», «экзистенциальный» начали раньше, вместе с ростом популярности переводов книг Кьеркегора. Например, Карл Ясперс, еще даже не начавший работу над своей собственной доктриной, в траурной речи памяти Макса Вебера (июль 1920 года) характеризует последнего как «воплощение экзистенциального философа».

деггера. Последний – единственный мыслитель, оказавший некоторое воздействие если не на саму доктрину Ортеги, то на проработку некоторых тем[13], но очевидны и различия. Позднюю онтологию Хайдеггера он считал «мистикой», да и вообще не случайно избегал пользоваться этим термином[14]. Однако мы вполне вправе сопоставлять Dasein Хайдеггера с «радикальной реальностью» Ортеги, а «бытие-в-мире» с формулой «Я есть я и мои обстоятельства».

Первый набросок того, что можно назвать «системой», появляется у Ортеги в 1914 году в работе «Размышления о Кихоте», в которой впервые появляется формула: «Я есть я и мои обстоятельства» («Yo soy yo y mi circunstancia»). Малое «я» означает эмпирическое субъективное сознание, которое всегда соотносится с предметами, вещами, отношениями, другими «я» меняющегося мира, выступающими как «обстоятельства». Вместе они образуют то заглавное Я, которое Ортега называет «жизнью». В дальнейшем он чаще всего называл ее радикальной реальностью, то есть «корневой», базовой, первоначальной. Все остальные в ней укоренены и

---

[13] Отчасти и на терминологию в нескольких публикациях, прежде всего посмертно изданных лекциях по метафизике, прочитанных студентам в 1932–1933 годах.

[14] Примером настоящей онтологии для него был критический реализм Николая Гартмана, его близкого друга времен стажировки в Марбурге. Сам Ортега критически относился к онтологии Гартмана, но феноменологическую онтологию Хайдеггера причислял именно к мистике. Хайдеггер, в свою очередь, считал учение Ортеги философской антропологией, замкнутой в пределах европейского субъективизма.

являются вторичными. Это не означает того, что они творятся нашим сознанием, им полагаются или конструируются, как это утверждалось идеалистами (Фихте, неокантианцы). Начальной очевидностью тогда оказывается и не cogito Декарта, а поток переживаний[15], в каждом из которых «я» находится в корреляции с предметом. Сознание нацелено на мир (Брентано и Гуссерль называли такую направленность интенциональностью), оно активно вычленяет или даже вырезает какие-то аспекты мира, видит их всегда в какой-то перспективе. От нашей точки зрения и интенции (познаём мы предмет или оцениваем его этически, любим или ненавидим и так далее) зависит то, каким он представляется, каков горизонт нашего восприятия. Но это не отменяет реальности предмета, данного нам первично не в познании, а в активном столкновении, – он оказывает сопротивление, он мешает нам трудностями или помогает действию набором возможностей. Жить – значит находиться в мире. «Если бы я вдруг оказался один, лишь с самим собой, я бы существовал, но такое существование не было бы жизнью, и было бы лишь субъективным существованием идеализма»[16]. С миром нас связывают не идеи, не понятийные конструкции, а предшествующие любой рефлексии верования.

Однако несомненность практического взаимодействия ничуть не означает принятия натурализма (материализма,

---

[15] Немецкое слово Erlebnis он перевел с помощью неологизма vivencia.

[16] *Ortega y Gasset J.* Que es filosofia? Madrid: Espasa-Calpe, 1973. P. 201.

физикализма и тому подобного), столь характерного не только для естествоиспытателей, но и для среднего образованного человека нашей эпохи. Миром является то, что очевидным образом меня окружает и мною непосредственно обнаруживается, но это не космос античной философии или природа нынешних физиков. Ортега в высшей степени положительно оценивает труды ученых, но они создают сменяющие друг друга теории. Это вторичные реальности, допускающие сомнение и его предполагающие. То же самое можно сказать не только о науках, но и о теологии. «Жизнь иная» нам не дана с полной очевидностью, это выводное знание по поводу религиозного опыта, интенциональных актов веры. Все остальные реальности обнаруживаются в радикальной реальности, которую Ортега в заключительном своем крупном произведении «Человек и люди» характеризует следующими признаками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.